

Будухско-русский словарь, созданный в Секторе бесписьменных языков Института языка, литературы и истории Дагестанского филиала АН СССР, представляет собой в известном смысле уникальное явление. После выхода в свет трехязычного дагестанско-грузинско-русского словаря Д. Кадагидзе он является первым в запланированной серии национально-русских словарей по бесписьменным горским иберийско-кавказским языкам. Словарь небольшой — 32 п.л., в нем немногим более 8000 слов, но он вполне оправдывает поговорку «мал золотник, да дорог».

Малочисленная будухская народность, насчитывающая всего около 3000 чел., как и любой народ, любая народность, имеет свою многовековую историю, свой исконный язык, самобытные черты культуры, быта, традиций, обычаев, морально-этических норм поведения. Будухцы в течение веков создавали свой фольклор, свою микротопониимию и микроантропониимию. На базе исконного родного языка в условиях развития материальной и духовной жизни у будухов исторически сформировалось обыденное сознание, обогатившееся в небывалых масштабах в советскую эпоху.

Будухский язык испытал весьма значительное влияние азербайджанского языка. В той или иной степени оно проявляется на всех его уровнях, но особенно сильно воздействие азербайджанского языка на будухский в области лексико-семантической и синтаксической системы. Вместе с тем тюркское влияние обнаруживается и в области морфологии. Достаточно отметить такой весьма показательный факт, как заимствование будухским языком порядковых числительных: *биринджи* «первый», *экинджи* «второй», *учьунджи* «третий» и т. д.

Все это нашло отражение в словарном составе будухского языка. Вот почему значение сбора и научной систематизации словарного фонда будухского языка выходит далеко за пределы науки о языке. Уникальный лексический материал бесписьменного будухского языка привлечет внимание историков, этнографов, фольклористов, специалистов в области национальных культур, традиций, обычаев, а также философов, занимающихся изучением закономерностей исторического формирования и развития обыденного сознания у малых народностей.

Трудно переоценить значение будухско-русского словаря для синхронного и исторического изучения словарного состава будухского языка, а также для сравнительно-исторической лексикологии горских иберийско-кавказских языков.

Словарю предшествует Введение (с. 3—14), состоящее из двух разделов. В первом разделе даны краткие сведения о будухцах и обзор литературы о будухском языке, во втором — представлена подробная инструкция о составе и структуре словаря.

Заслуживает внимания и тот факт, что словарь разработан на основе текстового, лексического и грамматического материала,

собранного автором во время поездок в с. Будух Кубинского района Азербайджанской ССР в 1976—1979 годах. В словарь в качестве иллюстраций вошли и многочисленные материалы по фольклору будухцев, в основном малые жанры: прибаутки, пословицы, поговорки, загадки и т. д., записанные со слов носителей языка.

Для полного отражения современного состояния будухского бесписьменного языка автор использовал в качестве информантов как представителей старшего и среднего поколения, так и молодежь — студентов, приехавших на каникулы, и учащихся старших классов. Привлекались люди разных профессий, с образованием и не получившие образования, мужчины и женщины» (с. 5).

Словарные статьи разработаны с учетом всех требований указанной инструкции. Имена существительные и глаголы снабжены подробными грамматическими пометами. К имени даются класс, формы эргативного падежа и мн. числа именительного падежа. При глаголе приводятся основы его временных форм, к которым относятся формы настоящего, прошедшего и будущего времени, а также формы повелительного и запретительного наклонений.

В словаре представлена характеристика основных типов будухского глагола: классных, неклассных и дефектных. Весьма важно, что в словаре такому разграничению уделено особое внимание: образование форм времен и наклонений у разных структурных типов глагола не всегда протекает регулярно, не всегда поддается общим правилам и в каждом конкретном случае имеет специфические черты. Лексикографический и лексикологический анализ глагола обогащает словарь.

Словарные статьи насыщены богатым иллюстративным материалом, фразеологией, имеющими самостоятельную ценность. Привлекает к себе внимание анализ сложных глаголов, образованных при помощи вспомогательных глаголов *ийхьар* «быть» и *сиги* «делать» от различных частей речи. Такой анализ материала вполне оправдан. В ином подходе нуждаются те семантически неполноценные знаменательные основы, которые с указанными вспомогательными глаголами подаются в качестве самостоятельных: *мичI ийхьар* «темнеть», *мичI сиги* «затемнять», *Члеб ийхьар* «сыреть», *Члеб сиги* «увлажнять» и др.

Следует признать в целом удачную семантическую характеристику заглавных слов. В многозначных словах значения располагаются от основного к последующим вплоть до переносного значения. Значения слов подтверждаются большим иллюстрационным материалом, состоящим из цельных фраз, устойчивых и свободных словосочетаний, пословиц, поговорок, загадок, четверостиший и т. д., что, между прочим, подтверждает наличие у малых народов своего исконного фольклора. Этот материал имеет самостоятельную научную ценность. Отдельные сло-

ва, такие, как названия некоторых частей тела человека и другие, входящие как знаменательная часть в образование множества сложных имен и глаголов, выражающих определенные понятия или действия, снабжены несколькими десятками словосочетаний, а сама словарная статья, таким образом, превращена в своеобразный этюд — характеристику соответствующей лексики.

В словарь включены вся будухская микротопонимия с переводом и толкованием топонимов (с. 168—171), а также полный перечень антропонимов — мужских и женских личных имен (с. 172—182), что является ценным материалом по дагестанской ономастике. Грамматический очерк, приложенный к словарию, кратко характеризует будухский язык на фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом уровнях (с. 183—201).

В очерке содержатся важные сведения о фонологической системе, звуковых процессах, ударении. Касаясь морфологической системы будухского языка, У. А. Мейланова отмечает богатство именных и глагольных форм. Слабо представлена категория причастия, а деепричастие морфологически не выражено. В значении этих категорий употребляются раз-

личные временные формы, глаголы. В языке выделяются следующие части речи: имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, глагол, наречие, послелоги, частицы и междометия (с. 188). Очерк заканчивается краткими сведениями по синтаксису и лексике.

К словарию приложен русско-будухский указатель, что практикуется впервые в словарях дагестанских языков (с. 202—252).

В деле изучения языков малых бесписьменных народностей первостепенная роль принадлежит созданию словарей, которые являются собранием и обобщением лексического богатства языка. Словари позволяют ввести в научный обиход широкий, разносторонний языковой материал, необходимый для последующих исследований самого различного профиля.

В целом выход в свет «Будухско-русского словаря» — первого словаря по дагестанским бесписьменным языкам, представляет собой новый этап в изучении словарного состава бесписьменных языков, он — заметное явление в иберийско-кавказской лексикографии.

Дешериев Ю. Д.

Чередниченко А. И. Язык и общество в развивающихся странах Африки. Проблемы функционирования западноевропейского языка. — Киев: Вища школа, 1983. 167 с.

Утрата колониальными державами своих владений после второй мировой войны полностью изменила политическую карту мира, а вместе с тем и положение целого ряда народов и языков, характер их взаимосвязей и взаимовлияний. В значительной степени именно эти обстоятельства вызвали в послевоенные годы появление множества лингвистических работ, посвященных проблемам социолингвистики и языковых контактов, особенно в освободившихся странах Азии и Африки.

Рецензируемая монография посвящена изучению территориальных диалектных вариантов французского языка как неродного. Следует иметь в виду, что из более чем 40 стран Европы, Азии, Африки, Америки, Океании, где французский язык, частично перестав быть официальным, все же является весьма распространенным, примерно половина (22 государства) приходится на долю Африки. Своеобразие положения французского языка заключается здесь, однако, в том, что если в ряде стран Европы или Америки французский (или его креолизованный вариант) — родной язык большинства или значительной части населения данной страны (Франции, Бельгии, Швейцарии, Канады, Гаити), то ни в одном африканском государстве (бывшей французской или бельгийской колонии) он не приобрел подобного положения.

В большинстве случаев французский является лишь вторым языком местного населения. При этом, насколько можно судить, ни в одной стране Африки он не вытеснил полностью местные языки. В условиях современной языковой действительности Африки существование более или менее значительных групп населения, которые являлись бы носителями только французского языка и, хотя бы пассивно, не владели местными языками, полностью исключено.

В романистической литературе иногда ищут аналогии между распространением современных романских (неолатинских) языков, с одной стороны, и латыни в Римской империи, с другой. В этом плане французский язык в африканских государствах с наибольшим основанием следовало бы сравнить с латынью тех наиболее окраинных частей Западной Римской Империи, в которых после ухода оттуда римской администрации и воинских частей население в основном не было романизировано (часть германских областей, территория современной Албании, северные окраины Паннонии и Реции и под.). Очевидно, именно отсюда латынь распространялась впоследствии как международный язык средневековой Западной и Центральной нероманизированной Европы.

Как известно, в интернациональной лексике современных европейских язы-